Автор: словарь
06.11.2007 23:09 -

БОФФ (Boff) Леонардо (р. 1938) - бразильский теолог и социолог. Лидер (наряду с сальвадорским теологом Й. Собрино) христологического течения в "теологии освобождения". Францисканец. Учился теологии в Бразилии и Европе (в том числе в Германии у К. Ранера). Непосредственно его образованием руководил Р. Коснер, ставший впоследствии верховным генералом францисканского ордена.

Испытал влияние марксизма (прежде всего работ "раннего" К. Маркса), однако считал приемлемым лишь марксистский способ анализа общества ("Отказавшись от марксизма, мы придем к мистификации общества"), но не марксистские решения обнаруживаемых проблем. "Маркс, - писал Б., - помог нам понять, что действия религиозного характера не ограничиваются только религиозным аспектом. Они включают и политический, и экономический, и идеологический уровни". Б. - ответственный редактор журнала

"Концилиум", член Теологической комиссии Бразильской епископальной конференции, профессор систематической теологии в Высшей философско-теологической школе Петрополиса (Бразилия, штат Рио-де-Жанейро). Его сестра Мария Лина Бофф - монахиня Ордена служанок Марии. Ряд работ Б. написал совместно с братом Клодовисом Боффом - также представителем "теологии освобождения", преподававшим (до запрета) на теологическом факультете Папского университета Рио-де-Жанейро. Сам Б. 7.09.1984 был приглашен для объяснений в Конгрегацию доктрины веры (процедура началась еще в 1975).

Наложенный на него Ватиканом обет молчания был снят в 1986. Он автор более 30 работ, основные из которых: "Иисус Христос как Освободитель" (1975), "Церковь: харизма и власть. Теология освобождения" (1985), "И церковь становится народом. Генезис церкви: церковь, которая рождается из веры народа" (1986) и др.

Б. исходит из тезиса о том, что церковь рождена и действует в этом мире, в той или иной степени детерминирована в своих действиях сложившимися формами общественного производства, вовлечена в отношения господства и подчинения-сопротивления. Поэтому, с одной стороны, "церковь сплошь и рядом способна выступить как религиозная идеология, узаконивающая господствующий порядок", но с другой - она может благословить и оправдать радикальное изменение сложившегося порядка. "Свобода возникает не из проповедей, а из практики борьбы за возвеличивание жизни", - утверждает Б.

По ходу истории (которая есть прежде всего история освобождения) меняются ее субъекты. Таковыми в современном "третьем мире" стали беднейшие слои трудящихся,

организующиеся в низовые христианские общины, открытые миру. Появление и развитие низовых (базовых) общин Б. считает подлинным экклесиогенезом, так как их члены способны (частично) взять на себя роль профессиональных богословов. Низовые общины по мере осознания ими своего места в процессе освобождения порождают народную церковь, противостоящую традиционной церкви (воплощающей собой культуру господствующих классов) и работающую в гуще народных масс, понимая и поддерживая их стремление к социальной справедливости и участвуя в его реализации.

Конституирующими народную церковь чертами Б. считал прежде всего ее демократизм и ориентацию на народную культуру.

"Народ" в народной церкви "понимается не как безликий прихожанин, получающий причастие или усваивающий урок катехизиса, а скорее - как активный член, участвующий во всех делах наравне и вместе со священником, епископом, а временами и с самим кардиналом, вступившими на этот церковный путь". Сама же народная церковь должна быть рассмотрена как социологический факт - особый способ быть церковью.

"Вместо церкви-общества со строгой, централизованной, иерархической и безликой системой власти возникает церковь-община, более справедливо распределяющая священную власть". При этом Б. не устраивает трактовка "народа" как в тоталитарных идеологиях (якобинство, нацизм, фашизм, популизм), так и в культурной антропологии, где понятие народа соответствует "нации" и/или "населению", принадлежащему одной культуре. Он считает, что народ не есть данность, а возникает (конституируется) во взаимодействии групп в результате создания проекта и его воплощения в определенной практике.

Согласно Б., народ как социологическая категория включает в себя: 1) наличие комплекса взаимодействующих между собой ассоциаций, 2) осознание своего положения между "массой" и "элитой", что предполагает борьбу и сопротивление, 3) выработку эгалитарного проекта и равного участия всех в общественных процессах, 4) социально-историческую практику, преобразующую общественные отношения с целью создания нового, более эгалитарного общества, допускающего широкое участие людей в общественных делах, 5) аксиологическое измерение (способность вбирать в себя разные группы). Церковь должна не участвовать в иерархическом распределении власти в обществе, а посредничать во взаимодействии общества с низовыми религиозными общинами, включая последние в активную политическую жизнь.

Отсюда те характеристики народной церкви, которыми она должна обладать как историческая конкретизация народа Божьего: 1) социологически церковь должна быть народной, объединяющей бедняков и/или маргиналов в религиозные общины совместно со священниками и иными религиозными деятелями, которые социологически также составляют народ и выступают в защиту бедных; 2) в социальном плане церковь должна

быть церковью бедных; 3) в социально-политическом плане это должна быть церковь борьбы за освобождение; 4) субъектно она должна выступать как религиозное социально-политическое движение, основанное на принципах открытости и векторно направленное из центра к периферии, куда перемещается центр религиозной жизни из атеистической Европы; 5) в исторической перспективе это должна быть церковь, укорененная в самом базисе обществе и исходящая из него (при этом базис трактуется и как организованный народ, и как политико-экклезиологическое понятие: из базиса рождается общность, препятствующая возникновению авторитарной власти; 6) идеологически это должна быть церковь политической святости - она занимает конфронтационную позицию по отношению к обществу, основанному на несправедливости и насилии, порождающих нищету большинства; 7) наконец, это церковь выполняющая принятые решения (в этом смысле - церковь дисциплины), проповедующая принципы любви, солидарности и жертвенности, и принципиально открытая для всех, кто принимает эти принципы. Тем самым утверждается подлинно кафолический (вселенский) характер нового образца церкви, неразрывно связанной при этом с контекстами "третьего мира", формирующими для этого необходимые условия (утраченные в "центре"). "Подобный тип церкви, открытой для всех, бросает вызов стилю, практикуемому папством", - отмечает Б. С его точки зрения, евангелизация принципиально не может не носить политический оттенок, ведь сама "политика" реализуется в двух смысловых пространствах. С одной стороны, она есть деятельность по управлению обществом и его преобразованию, т.е. нацелена на решение конкретных мирских дел, с другой - она выражает глобальный поиск всеобщего блага, возвышения справедливости и реализации прав, нацелена на изживание насилия над человеческим достоинством.

Во втором своем измерении она определяет фундаментальные ценности общества, обеспечивает согласие внутри него и внешнюю безопасность, равенство, свободу, братство, публичность авторитета и автономию людей. В этом смысле политика должна вытекать из Евангелия, а следовательно, аполитичность церкви недопустима, политика суть часть миссии церкви. Высший политический идеал для Б. - демократия, понятая как единственно возможный достойный человека способ организации жизни: "..

.Демократия - это более чем форма конкретного правления, это дух, который должен пронизывать все формы власти, ибо цель демократии - достижение равенства и участия всех или максимально возможного большинства людей в общественной жизни. Демократия - это вызов, на который надо отвечать повседневно..." Считая, что "в природе человека заложено стремление к сотрудничеству, а не к господству над другими", что в основе человеческой природы лежит "любовь, доверие и уважение к народу", Б. выводит формулу демократического идеала - "человек человеку - друг, а не волк". Отдавая себе отчет в его утопичности, он призывает все же "ежеминутно обращаться к этой утопии": "Она никогда полностью не воплотится в жизнь, но если не желать невозможного, никогда не достичь возможного". В этой перспективе "теология освобождения" для Б. вторична по отношению к практике освобождения народа, так как "только исходя из социологической области и находясь в постоянной связи с ней,

религиозный фактор может проявить себя как освободительный", с одной стороны, а с другой - само "теология освобождения" есть по сути ни что иное как "критические размышления о практической деятельности христиан, организованных в низовых общинах. Именно эта практика первична; теология лишь вторична и может развиваться только внутри этих требований, этих народных движений". В то же время, говоря о неизбежном "исчезновении великих социальных утопий" в современном мире, Б. утверждает, что это обстоятельство только усиливает и придает совершенно особое значение именно социальной роли религии, функционально занимающей опустевшую нишу былых "освободительных идеологий", ведь только она (будучи очищена от наслоений прошлого и будучи перетрактована в духе "теологии освобождения") способна предложить человеку смысл, ради которого стоит жить и умереть.

В.Л. Абушенко